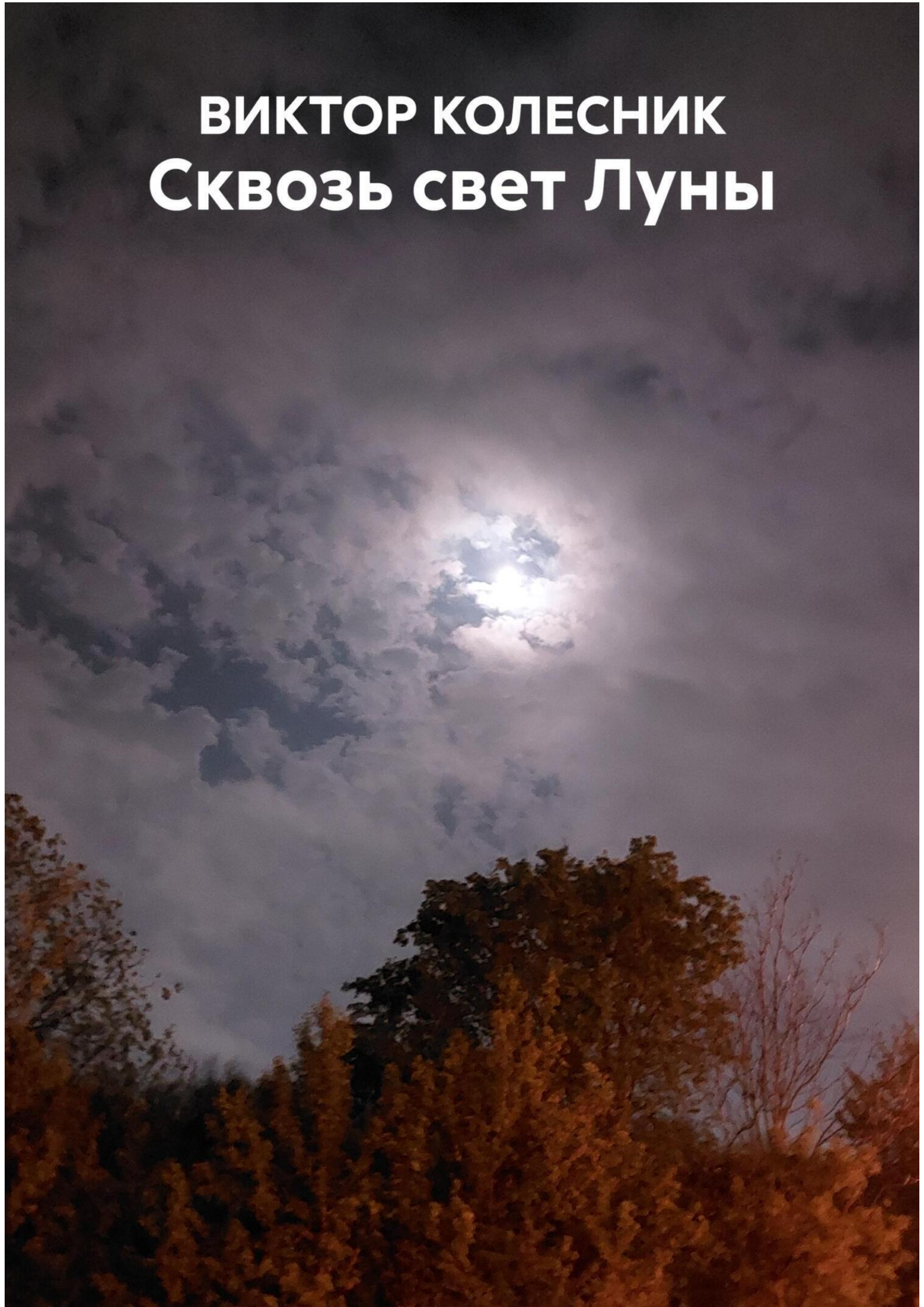

ВИКТОР КОЛЕСНИК
Сквозь свет Луны

ВИКТОР КОЛЕСНИК

Сквозь свет Луны

«Автор»

2025

КОЛЕСНИК В.

Сквозь свет Луны / В. КОЛЕСНИК — «Автор», 2025

Представленные стихи - глубоко личные размышления о жизни. Чаще – на основе наблюдений. Лирический герой - соучастник природы, участник и свидетель жизни окружающих людей, судьбы которых неразрывно связаны с садом - "эстетическим климатом", по выражению Д.С. Лихачева. В книгу вошли стихотворения 2018-2024 годов. Для широкого круга читателей, приглашенных к путешествию по лунному саду в поисках смысла бытия...

© КОЛЕСНИК В., 2025

© Автор, 2025

ВИКТОР КОЛЕСНИК

Сквозь свет Луны

*На струнах уныния былого
пускай зазвучит торжество.
Скажите мне доброе слово,
а я приумножу его!*

Людмила Щипахина

Замолвите доброе слово
В космическом долгом пути,
Где дней нам отпущено много,
А счастья вовек не найти.

И путь человеческий труден
В словесном потоке чужих.
И знал я, что люди – как люди,
И слово – подобие их.

Как часто, добра ожидая,
Внимая делами судьбе,
Порхал я: душа оживает
В невзрачной холодной толпе.

А люди – как люди. Повсюду
На синей планете молвы
Нет места – простейшему – чуду –
Земной настоящей любви.

Вся глупость – в безумии плоти,
Которой ничто не воздаст.
Томление духа при взлете –
Нет слуха, нет пульса, нет глаз.

Тень зверя в пустующей клетке –
Свободы никто не отдаст:
Не птица свободы на ветке –
Крылатый наш Екклесиаст.

Но нет в тебе, племя гордыни,
Умения слова добра.
Подайте воды мне в пустыне,
Иначе умру до утра.

На добро отвечаю добром

Леониду Латынину

У дороги бушует спорыш,
Ветра летнего след заметая.
То ли ласточка в небе, то ль стриж
Вслед за юностью в осень влетает.

Мне не страшно ночью порой:
Всё спокойней природа и строже.
Сад живёт для людей – тишиной.
Сад живёт в тишине. И я – тоже.

«На добро отвечаю добром»...
Тонкий сборник в ладони сжимаю –
И луну над садовым двором,
И её серебро принимаю.

На добро отвечаю добром,
Принимая погрешность любую.
Я делюсь её каждым стихом,
За неё я пою: аллилуйя!

Не спешу – опоздал я в былом,
И мой голос дрожит поневоле.
За вечерним погасшим стеклом
Звёзды небо прожгли, прокололи.

Но над садом притихшим моим
Новой осени жаркие зори,
И под небом горящим стоим
Я и сад мой, молчащий до боли.

Лёгкий дым над безмолвным костром
Поднимается к звёздам несмело.
На добро – отвечаю – добром!
Это сердце запомнить успело...

Пушкину

Слева – прикованный к морю Гурзуф,
Справа – прибитая к небу Авинда:
Крыма извилистый воздуходув,
Неба и моря откуда не видно.

Ты поднимался по этой тропе,

Лёгкой походкой ступая по тени,
Чтобы замёрзшей столичной толпе
Виделись крымского неба ступени.

Ты поднимался и к этой стене,
С горною пылью в немом разговоре,
Чтобы огромной и рабской стране
Виделось вольное крымское море.

Ты оглянулся... И тихий Гурзуф,
Небо и море, Авинду – всё это
Через столетия – воздух вдохнув —
Мы восхищаем глазами поэта.

Пока не наступит лето —
Останься в душе зимой.
Не требуй от солнца света -
Свети для себя самой.

Колдуньей укройся в доме
(печали всегда горьки):
Все тайны прекрасны, кроме
Горячей твоей тоски.

Горит посреди планеты
Больное твоё окно:
Мелодии не допеты,
Не сыграна роль в кино.

Среди суеты манежной
Есть полюс зимы в тебе.
И бродит в судьбе мятежной
Мелодия о тебе.

Все в жизни твоей дается
Для роли в твоём кино,
В котором так много солнца
Цветком занесет в окно.

Полегчало тебе, юный друг,
Среди боли душевной и вьюг?
Как живется тебе, мой дружок,
Получил ли сегодня ожог?

Ну, а если обжётся опять –
Постарайся во тьме воссиять,
Белой птицей над Доном лететь
В предзакатную тихую медь,
И войти в окоём голубой
Под мерцающей тихо звездой.

Вспомнишь тополь у старой скамьи
И веселые песни свои,
Чей-то тонкий и чувственный смех
И неведомый в юности грех.

Ты вернешься под тополь опять,
Пролетишь над историей вспять,
Полегчает тебе, юный друг,
Без печали душевной и вьюг,

И не ведая страха, дружок,
Ты любовный получишь ожог...

*Бессонница. Гомер. Тугие паруса.
О. Мандельштам*

Тугие паруса бессонниц
Размером в дачный потолок.
Стих Мандельштама в рамах звонниц
Кровавый вычернил клинок.

Клин парусов в чужие дали,
Где море, белое в ночи,
Несется к азиатской стали
И пеной алою молчит.

Но равнодушно поглядела
Богиня на Париса. Мол,
Какое ей до Трои дело?
Эриду пригласи за стол.

Я пленник сегодня в дождливом саду,
И черная сила стреляет в меня,
И я в эту полночь смотрю из окна.
На самую бездну.
В беду.

Нет детского страха в промокшей душе,
Но в прядки играют со мною дожди,
И мне все равно никуда не уйти.

И мир мой все уже.
Уже'.

Как совестно жить, не желая дождя,
И совестно видеть, желая узреть,
Как осень мечтает с дождем умереть
И смотрит сквозь стекла.
В меня.

Луна колдует над дождями,
Дожди идут ночами-днями.
Дожди идут луну смотреть.
Луна стекает влагой в твердь.

Что будет с миром, будет с нами?
Какие бури и цунами?
А ты в окно свое смотри,
Что будет с миром изнутри.

Любому ветру буду только рад:
Листом лететь по городу родному,
Дарить проспектам взгляды наугад
И к твоему примчаться дому.

Баюкаю под сердцем свет окна,
Придумаю ему святое имя.
Пусть будет ночь бездонна и темна
Над переулками, к любви глухими.

Где дружба – там любовь ступает осторожно,
А если нет любви – и дружбы быть не может.
Но вдруг горит любовь – и сердцу непригоже
Хранить законы дружб, и всяк в любви низложен.

Любовный лёгок взрыв – и кажется возможным
Носить любовный крест и в сложном быть несложным.
О плен горящих глаз, горячая отравка:
Дай одинокость фраз, дай на безумье право...

Мир первобытен и еще не бел,
И – к сожаленью – это не предел:
Нет света над мои Ершалаимом,
От света тьмы никем не делимым.

– Прекрасные пииты славных дел!

Так отчего ж наш белый свет не бел
И всё трагичнее печали века?
– Есть недочитанность – читай: калека...

Цветаевой

К тебе, судьбой воспетой, – воспевавшей,
К твоим словам – бессонницам моим –
Я обращаюсь сутью, я – восставший
И пригвождённый голосом твоим...

И сколько б ни звучало это скерцо,
И сколько б ни горел огонь стихов –
Не перестанет биться моё сердце
В плену твоих рябиновых оков.

Настоящие стихи случайны чаще
Летящих к смерти листьев чащи.

Светлое войско жарких слов
Сгореть не может в сказках снов.

Не может строк святая рать
Листвой осенней умирать.

Вот желтый лист летит к огню –
Былое сгинет на корню.

Ты понимаешь, почему
Иду я к слову твоему?

Я слышал, как земная твердь
Просила листья умереть.

И я прощал деревьям всё:
Им было в смерти хорошо.

Ты понимаешь, почему
Иду я к сердцу твоему?!

С утра снег таял. А потом
Ростов опять холодным пеплом
Накрыло в полдень. Каждый дом

Казался в воздухе некрепком

Небрежным контуром зимы,
Нависшим над печалью тьмы.

И робость снежной тишины
Приобретает звук закона,
И я скучаю в мире тьмы,
По белым лестницам затона,
Печаль скрывающим. Теперь
С лихвой хватает мне потерь.

Сон листопада

Где-то зима кочует
В северной дымке дня.
Осень еще ночует
В теплом стекле окна.

Нет, – говорю ненастьям, -
Горе сейчас пришло:
Тихим стихам и басням
В осень цвести назло.

Легче с листом сродниться
И умереть с костром,
Пеплом лететь до Ниццы
Стынущем ноябрем.

Можно устроить Ниццу
В теплой ладони сна
И листопаду сниться,
Словно и нет меня...

Всегда казался мне ребенком желтый лист,
И этот танец с призрачною смертью
Даёт непризрачной кончине ясный смысл,
Иное объясненье лихолетью.

Березовый мне виден остов бытия:
В тишайший час крушенья листьев желтых
Есть миг паденья одного в душе листа
Средь черноты холодных парков мертвых.

В свободное паденье вознеси меня,
Всегда осенний, неподкупный Боже.
В ночи кипящая пустынная луна
Пройдется пеплом по дымящей коже.

И осень тихо посмеется надо мной:
Я безнадежный пессимист вселенной.
Осенний лист под мертво-желтою луной –
Ирония природы неизменной.

Слова излишни и – пусты.
Хотя – «сначала было слово».
Но если ангел вдруг не ты,
То слово каждое не ново...

Не смейся над самим собой –
Довольно спеси и отваги.
Не надо рваться в шумный бой,
Отбрось оружие и флаги!

Уйди – по сути – в никуда,
Оставь людей, не мучай словом.
Молчать, поверь мне, – не беда,
Всё лучшее – в листе кленовом.

Всё лучшее – в ночном саду,
В шептанье ветра тонкой иве,
В признание бабочки коту,
В предутреннем часу дождливом.

Слова излишни и пусты,
Лишь чистота нетороплива.
И я не ангел, и не ты:
Давай молчать трудолюбиво...

Я люблю человеческий голос

Dulce y lejana voz por mi vertida.
Dulce y lejana voz por mi gustada.
Lejana y dulce voz amortecida.*
Federico Garcia Lorca

Далёкий голос, нежный и неверный, затерянный, затихший дрожью в теле,
Такой далёкий, словно из-за гроба
Перевод А. Гелескула
Я люблю человеческий голос
И его пробирающий звук.
В каждом есть Паваротти, Долорес
И потребность слияния рук.
В каждом есть и порыв неохотный

И нечаянно сброшенный лик.
В каждом шёпоте – вздох донкихотный
И – отчаянный Фауста крик...

Зеркало августа

Август горячий остынет в заре,
В искрах небесных костров расставаний
С садом, лежащим на смертном одре,
С утрами всех неземных расстояний,
С солнцем, сосущим небесную душу,
С ветром, грызущим разверстую сушу.

Август давно перешёл в зеркала,
За рубежи рокового стекла.

Всё, что бурлило и пело, цвело, -
Всё позабылось для осени скорой,
И по лучам молодое перо
С неба слетает в замученный город,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.